

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СТАРЫЕ УГРОЗЫ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ*

Даниил Михайлович Романов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

Евгений Александрович Иванов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

Илья Александрович Медведев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы;

Леонид Маркович Исаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В статье дается обзор основных вызовов и угроз социально-политической дестабилизации в государствах постсоветской Центральной Азии. Помимо традиционных проблем, связанных с угрозой терроризма, ростом экстремизма, этнотерриториальными спорами, трудностями в социально-экономической сфере и исчерпанием ресурсов в авторитарных моделях управления, в регионе все чаще происходят продовольственные кризисы, обостряются конфликты за водные ресурсы и становится острее давление кибертерроризма. Для исследования дестабилизации в странах Центральной Азии авторы выделяют наиболее релевантные переменные социально-экономического и политического характера, которые на основе предыдущих исследований показали связь с различными явлениями социально-политической дестабилизации. Агрегируя несколько баз данных, содержащих переменные по различным видам социально-политической дестабилизации, авторы применяют метод главных компонент для выделения следующих индексов: индекс кровавой дестабилизации, индекс элитарной дестабилизации, индекс массовой дестабилизации. На основе корреляционного анализа удалось выявить, что существует статисти-

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00476).

чески значимая положительная корреляция между индексом кровавой дестабилизации и типом политического режима, уровнем безработицы, уровнем урбанизации и количеством беженцев. Также удалось выявить статистически значимую корреляцию между индексом массовой дестабилизации и лингвистической фракционализацией, а также уровнем урбанизации. При этом индекс массовой дестабилизации оказался отрицательно коррелирующим с пропорцией молодежи (15–29 лет) и количеством беженцев. Для рассматриваемого в данной статье региона прослеживается положительная корреляция между индексом элитарной дестабилизации и демократичностью политического режима, уровнем безработицы, пропорцией молодежи (15–29 лет), количеством беженцев. Индекс элитарной дестабилизации отрицательно коррелирует с подушевым ВВП по ППС, уровнем образования, распространенностью Интернета в стране. Наконец, удалось выявить, что существует отрицательная корреляция между индексом элитарной дестабилизации и уровнем урбанизации.

Центральная Азия: от терроризма до климатической катастрофы

Центральная Азия (ЦА) – узловым регионом мировой архитектуры безопасности. Ситуация в ЦА во многом определяет евразийскую повестку России и проект Китая «Один пояс – один путь». США и страны ЕС рассматривают ЦА в качестве плацдарма по сдерживанию афганского полюса нестабильности и как одну из альтернатив России в углеводородной энергетической системе Евразии. Следовательно, дестабилизация в ЦА чревата тяжелыми последствиями для крупнейших интеграционных проектов и глобальной архитектуры безопасности, что особенно актуально в связи с вероятностью оттока части исламистов с Ближнего Востока в Афганистан и ЦА. Общий набор проблемных точек для ЦА очерчен экспертными сообществами. Это риски усиления террористических и экстремистских организаций в регионе, нерешенность этнотерриториальных конфликтов, социально-экономическая неустойчивость, коррупция и низкое качество государственного управления, структурно-демографические риски и т. п. (Коротаев, Ходунов, Зинькина 2011; Ходунов и др. 2012; Коротаев и др. 2013; Дынкин, Барановский 2013). Сюда же можно добавить изношенность авторитарных кон-

струкций и отсутствие четких механизмов передачи власти (Иванов и др. 2017).

Традиционно повестка безопасного и стабильного развития ЦА прорабатывалась преимущественно в контексте афганского вопроса и угрозы терроризма, тогда как собственные проблемы региона отходили на второй план.

Афганский фактор – комплексный. Известный специалист А. А. Князев среди множества факторов риска, вытекающих из близости ЦА к Афганистану, делает акцент на деятельности радикальных исламистских организаций, которые пытаются «раскачать» ситуацию в Центрально-Азиатском регионе, чтобы включиться в борьбу за политическое влияние (Князев 2001). М. Лаумулин видит в Афганистане один из ключевых элементов глобальной геополитической игры, от которого зависят безопасность и стабильность в ЦА (Лаумулин 2013). Аналогичной позиции придерживается А. А. Орлов, полагая, что «в урегулировании [ситуации] в Афганистане заинтересовано, по сути, все международное сообщество. Это – колоссальный ресурс, который нельзя недооценивать и который необходимо целенаправленно использовать» (Орлов 2013: 14). Немаловажен аспект наркоторговли, которая создает экономическую базу для терроризма и экстремизма, чем, по сути, способствует усилению конфликтности; примером здесь могут служить не только Афганистан, но и Колумбия, и Мьянма (Степанова 2005). Именно на это указывает эксперт по ЦА С. А. Рахимов, подчеркивающий, что, несмотря на все усилия международного сообщества, «позитивных изменений по пресечению наркопроизводства непосредственно на территории Афганистана не отмечается» (Рахимов 2018: 283–285), а значит, ЦА остается в орбите этого полюса дестабилизации.

Среди актуальных трендов в дискуссии о дестабилизационном потенциале в ЦА следует отдельно сказать о важности внешнего влияния на внутрорегиональные процессы, о чем косвенно говорилось и экспертами по афганскому вопросу. О значимости международных площадок и интеграционных мегапроектов говорит также и С. А. Рахимов, уточняя, что именно многосторонний формат сотрудничества, включающий не только торговую, энергетическую или военную, но и технологическую, спортивную и культурную сферы, позволит государствам ЦА заручиться гарантиями участия крупных международных игроков в процессе поддержания ста-

бильности в регионе (Рахимов 2018: 278). С ним соглашается А. Г. Большаков, приводя в пример опыт многовекторной политики Киргизии (Большаков 2010).

Некоторые из экспертов возвращают в обиход понятие «Большая игра», возникшее в период конкуренции Российской и Британской империй за контроль над регионом (Казанцев 2008).

Сегодня, помимо России и США, борьбу за свое место в ЦА активно ведет Китай. В целом можно отметить, что, несмотря на публично декларируемое сотрудничество Москвы и Пекина, между двумя державами идет непрекращающаяся борьба за влияние в регионе (Синь 2012). В перспективе выбор между китайской и евразийской моделью может сыграть в Центральной Азии ту же роль, что и соглашение об ассоциации Украины, Грузии и Молдовы с ЕС в 2014 г.

Однако руководители государств ЦА к Пекину относятся с настороженностью. Причиной этому служат опасения «подсесть» на китайскую долговую иглу, а также ситуация с уйгурами в Синьцзяне, вызвавшая осуждение в первую очередь у тюркских народов. Рост синофобии в регионе чреват усилением правого популизма, как это случилось в Монголии, где в 2017 г. президентом был избран бизнесмен Халтмаагийн Баттулга, известный критической позицией в отношении Китая. Вероятность повторения такого сценария вероятна, к примеру, в Кыргызстане, где общественные настроения в существенной мере определяют политический ландшафт, а экономическая экспансия Китая наиболее ощутима.

В последнее время все более остро встает вопрос урегулирования водно-энергетических конфликтов (Жильцов, Зонн 2008). Проблема заключается в том, что бассейны крупнейших рек – Амударьи и Сырдарьи – формируются посредством таяния снега и ледников в высокогорьях на территории Кыргызстана и Таджикистана, в экономическом плане наименее развитых государствах ЦА. При этом на стоке Амударьи и Сырдарьи завязано сельское хозяйство и отчасти промышленность всех без исключения стран региона. Киргизия и Таджикистан хотят развивать собственную электроэнергетику, что нанесет ощутимый ущерб экономике остальных стран (Боришполец 2013).

В советский период действовала система, при которой Кыргызстан и Таджикистан в холодный зимний период получали уголь, газ и мазут из Казахстана, Узбекистана и Туркмении, но при этом

ограничивали работу своих ГЭС, что позволяло накапливать воду в резервуарах. В летний период сброс воды увеличивался, способствуя оросительному земледелию на засушливых территориях ниже по течению. После распада СССР государства ЦА стали добиваться автономии в энергетике и продовольственной сфере, что завело ситуацию с совместным управлением водными ресурсами в тупик (Хуррамов 2015).

На это накладываются сложные межэтнические и межгосударственные отношения, прежде всего Узбекистана с Таджикистаном и Киргизией.

Все более насущным становится вопрос обеспечения кибербезопасности и борьбы с кибертерроризмом (Zholdoshbaev 2016). Несмотря на удаленность от крупных глобальных технологических полюсов, в странах Центральной Азии были сделаны большие шаги по цифровизации.

В ЦА лидером по охвату доступным Интернетом является Казахстан. На 2016 г. $\frac{3}{4}$ населения страны являлись активными пользователями Всемирной сети. Такой результат закономерен, поскольку Казахстан сочетает в себе и большую (в сравнении с соседями) платежеспособность населения, и высокий уровень технологической модернизации (особенно в крупных городах), и довольно умеренный контроль над Интернетом со стороны национальных служб безопасности.

Тем не менее в абсолютных величинах к Казахстану приблизился Узбекистан. В обеих странах сопоставимое количество пользователей – около 13–14 млн человек – имеют возможность выхода в глобальную сеть Интернет.

Что касается остальных стран, то в Кыргызстане пользователем Интернета является каждый третий житель страны, в Таджикистане – каждый пятый; наименее оптимистично дела обстоят у Туркменистана, где массовый Интернет развивается лишь около десяти лет. На данный момент только каждый шестой житель страны может считаться пользователем Интернета.

Причиной таких скромных показателей являются высокие входные барьеры для рядового жителя Туркмении, а также риски, связанные с реальными наказаниями за политизированный интернет-активизм. С аналогичными проблемами сталкивался Узбекистан, из-за чего развитие виртуального пространства тормозилось (Фрид-

ман и др. 2010). Для сравнения в Кыргызстане, где ввиду экономических проблем потенциал для рывка в технологичных сферах был ниже, именно запрос населения на свободу самовыражения в Интернете заставил государство принять мягкие правила игры в виртуальной среде. Поэтому киргизский сегмент Интернета – один из самых бурно развивающихся на всем постсоветском пространстве.

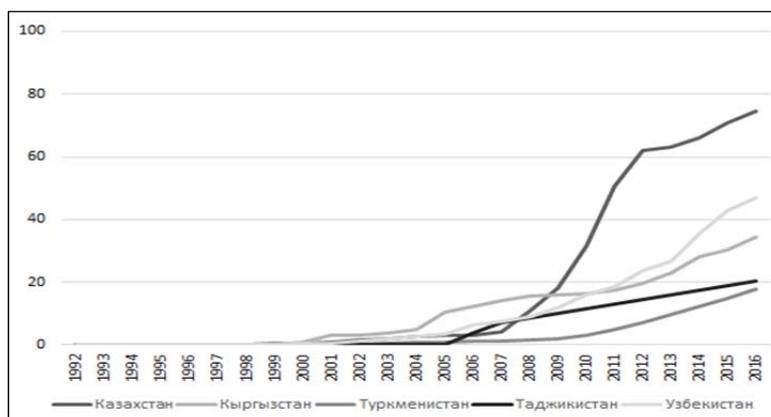

Рис. 1. Динамика доли населения, пользующегося Интернетом, %, 1992–2016 гг.

Источник данных: World Bank 2018a.

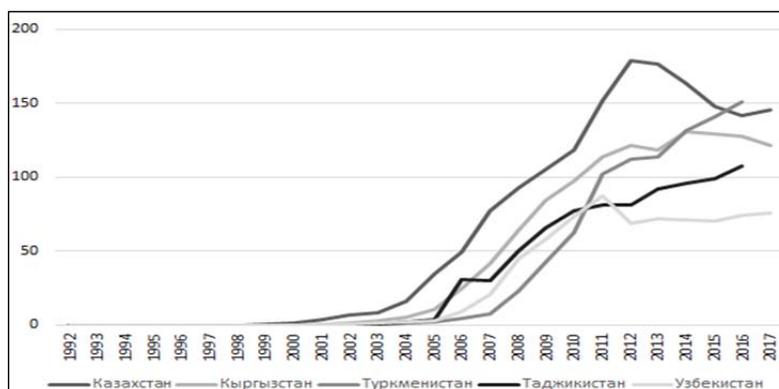

Рис. 2. Динамика количества сим-карт мобильных телефонов на 100 человек, 1992–2017 гг.

Источник: World Bank 2018a.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что в научной литературе и экспертном сообществе сложился четкий перечень представлений об угрозах и вызовах, наиболее значимых для Центрально-Азиатского региона. Это географическая близость к полюсам нестабильности, прежде всего к Афганистану и Ближнему Востоку, что повышает риски возникновения очагов терроризма и экстремизма в регионе. Также стоит выделить проблему наркотрафика, проходящего через страны ЦА. Кроме того, обостряется борьба крупных международных игроков за влияние в регионе, что усиливает внутренние расколы в государствах ЦА. Все это происходит на фоне нерешенных проблем с неустойчивой ситуацией в социально-экономической сфере, низким качеством государственного управления и «выкорчевыванием» демократических институтов. При этом перед регионом встают новые вызовы – кибертерроризм, климатические катаклизмы и, как следствие, обострение вопроса водно-энергетического баланса в ЦА.

В целом стоит признать, что рост качества аналитики по Центральной Азии повышает степень доверия к экспертным оценкам ситуации в регионе. Тем не менее существующая академическая дискуссия по вопросам социально-политической дестабилизации и региональной безопасности в ЦА имеет три базовых упущения.

Во-первых, в литературе отмечается смещение акцента на внешнеполитический контекст в ущерб анализу внутренней динамики социально-политических процессов. Во-вторых, не предлагаются основательных концептуальных обобщений. И, в-третьих, большинство работ по региону опирается на экспертизу и базовый инструментарий описательной статистики, что оставляет большое пространство для более глубокого и тонкого анализа, поскольку использование статистического аппарата при изучении социально-политических процессов в ЦА – задача отнюдь не тривиальная. И хотя в последние годы ситуация с публикацией сравнительно надежных статистических данных существенно улучшается, еще рано говорить о наличии широких возможностей в работе со статистикой по Центрально-Азиатскому региону.

Помимо прочего, дело не только в отсутствии больших массивов данных по всему спектру показателей, предоставляемых базами данных Всемирного банка (*World Bank Database*), и искажении той информации о ЦА, которая попадает в открытый доступ, но и в необходимости учитывать специфику региона. В качестве приме-

ров можно назвать показатель восприятия коррупции и показатель протестной активности.

То, что по западным стандартам считается коррупцией, в азиатских странах может выступать как неотъемлемый элемент коммуникации. К примеру, бакшиш, который скорее является традицией и социально-культурной особенностью многих азиатских народов, а не взяточничеством, хотя по форме эти явления идентичны (Киселев 2016).

Ситуация с протестной активностью обратная. В развитых демократиях антиправительственные демонстрации с участием нескольких тысяч человек стали обычной практикой. Акция численностью до 100 тыс. участников также не будет считаться чем-то экстраординарным. В странах ЦА, напротив, даже протест нескольких сотен граждан может спровоцировать серьезный отклик со стороны политической системы, а выход на улицы 100 тыс. человек может быть воспринят властью и обществом как революция. В связи с этим необходимо сделать существенную поправку в оценке масштабов различных проявлений социально-политической дестабилизации, используемых в статистическом анализе и при построении математических моделей.

Эмпирическая часть

В рамках нашей работы требуется понять, изменение каких социально-политических факторов способствует дестабилизации в Центральной Азии. Для тестирования потенциала дестабилизации мы выделяем ряд факторов, связь которых с различными проявлениями социально-политической дестабилизации (например, террористическими атаками, актами гражданского протеста, революциями, гражданскими войнами и т. д.) описана в предыдущих работах. К таким факторам, в частности, относятся:

- резкие изменения ВВП (Collier, Hoeffler 2004; Hegre, Sambanis 2006; DiGiuseppe *et al.* 2012; Korotayev *et al.* 2011; 2014; Korotayev 2014);
- изменение доли молодежи в общей численности населения (Коротаев, Зинькина 2010; 2011а; 2011б; 2012; Коротаев и др. 2012; Коротаев 2012; Ходунов, Коротаев 2012; Ходунов 2014; Романов и др. 2018; Moller 1968; Mesquida, Wiener 1996; Urdal 2004; 2006; Goldstone 2002; 2011; Korotayev, Zinkina 2011);

- тип политического режима (Цирель 2012; Малков и др. 2013; Коротаев, Исаев, Васильев 2015; Коротаев, Билюга, Шишкина 2016; Коротаев, Слинко, Билюга 2016; Коротаев, Слинко и др. 2016; Gurr 1974; Muller, Weede 1990; Ellingsen, Gleditsch 1997; Fearon, Laitin 2003; Gleditsch *et al.* 2009; Korotayev *et al.* 2015; Slinko *et al.* 2017);
- рост безработицы (Хохлова и др. 2017; Коротаев, Хохлова, Цирель 2018; Barber 2015; Beissinger *et al.* 2015);
- уровень образования в стране (Акаев и др. 2017; Гринин, Билюга и др. 2017; Гринин, Малыженков и др. 2017: Замятнина 2017; Коротаев, Билюга, Шишкина 2017; Васькин и др. 2018; Hall *et al.* 1986; Campante, Chor 2012; 2014; Korotayev *et al.* 2018);
- распространенность Интернета (Коротаев, Романов и др. 2018; Куз 2006; Khondker 2011; Lysenko, Desouza 2012; Ronzhyn 2014);
- уровень неравенства (Коротаев, Гринин и др. 2017: 132–155; Lichbach 1989; Solt 2015; Korotayev *et al.* 2017),
- этническая/религиозная/лингвистическая фракционализация (Montalvo, Reynal-Querol 2002; Fearon, Laitin 2003) и т. д.

Также Дж. Голдстоун и др. тестировали влияние количества беженцев на рост социально-политической дестабилизации, однако не нашли статистически значимой связи между двумя переменными (Goldstone *et al.* 2010). В рамках данного исследования мы бы хотели дополнительно протестировать связь между беженцами, находящимися на территории страны, и социально-политической дестабилизацией. Выделенные нами переменные, безусловно, не являются единственными предикторами возникновения явлений социально-политической дестабилизации, однако, как отмечают многие авторы, работы которых были приведены выше, данные факторы оказывают значительный эффект на вероятность возникновения явлений социально-политической дестабилизации.

Основываясь на приведенных выше исследованиях, для нашего анализа мы берем следующие переменные: подушевой ВВП по ППС (World Bank 2018b), тип политического режима из базы данных *Polity IV* (Marshall *et al.* 2016), этническая/религиозная/лингвистическая фракционализация (Macro Data Guide 2018), индекс Джини (World Bank 2018a), количество беженцев в стране (Fragile State Index 2017), пропорция молодежи 15–29 лет в общей популяции населения (United Nations Population Division 2018), уровень урбанизации / пропорция городского населения (*Ibid.*), распростра-

ненность Интернета / число интернет-подключений на тыс. человек (World Bank 2018a), уровень безработицы (World Bank 2018c), уровень образования / среднее количество лет обучения (Джахан 2015).

Информацию по зависимым переменным мы берем из базы данных *Cross-National Time-Series Database (CNTS)* (Banks, Wilson 2018). Данная база включает 15 918 наблюдений по 199 странам и 200 переменным за период с 1919 по 2016 г. Нас будут интересовать следующие переменные.

Политические убийства (*Assassinations, domestic1*) – любые политически мотивированные убийства или покушения на убийство высших правительственных чиновников или политиков.

Политические забастовки (*General Strikes, domestic2*) – забастовки, в которых участвовали 1000 или более работников, занятых у более чем одного работодателя, и при этом они выдвигали требования, направленные против государственной политики, правительства или органов власти.

«Партизанские действия» (*Guerilla Warfare, domestic3*) – любая вооруженная деятельность, диверсии или теракты, совершаемые группами граждан или нерегулярными вооруженными силами, которые направлены на свержение или подрыв существующего режима. Речь, таким образом, идет прежде всего о крупных террористических актах.

Правительственные кризисы (*Government Crises, domestic4*) – любые ситуации, которые грозят привести к падению текущего режима, за исключением вооруженных переворотов, напрямую направленных на это.

Политические репрессии (*Purges, domestic5*) – любое систематическое устранение оппозиционных деятелей (путем лишения свободы или казней) среди действующих членов режима или оппозиционных группировок.

Массовые беспорядки (*Riots, domestic6*) – любые выступления или столкновения, связанные с использованием насилия, в которых принимали участие более 100 граждан.

Революции (*Revolutions, domestic7*) – любые незаконные или связанные с принуждением изменения в правящей элите, а также любые попытки таких изменений, любые перевороты или попытки переворотов. Переменная «Революции» также учитывает все удачные и неудачные вооруженные восстания, целью которых является

получение независимости от центрального правительства. Отметим, что название этой переменной («Революции») в очень заметной степени вводит пользователя в заблуждение, так как в реальности здесь речь в большинстве случаев идет не о революциях в обычном понимании (сводку определений революции см., например: Гринин и др. 2015), а скорее о переворотах и попытках переворотов. Именно таким образом мы и будем интерпретировать данную переменную ниже.

Антиправительственные демонстрации (*Anti-Government Demonstrations, domestic8*) – любые мирные публичные собрания, в которых принимают участие 100 человек и более, а в качестве основной цели проведения выступает выражение несогласия с политикой правительства или власти за исключением демонстраций с выраженной направленностью против иностранных государств (подробнее см.: Коротаев, Гринин и др. 2017: 298–300; Banks, Wilson 2018: 12).

Данные переменные отражают широкий спектр явлений социально-политической дестабилизации. Также из базы *CNTS* мы берем интегральный индекс социально-политической дестабилизации (*domestic9*). При расчете интегрального индекса социально-политической дестабилизации каждому индикатору дестабилизации присваиваются определенные веса по следующей схеме:

- Политические убийства – 25.
- Политические забастовки – 20.
- «Партизанские действия» / крупные теракты – 100.
- Правительственные кризисы – 20.
- Репрессии – 20.
- Массовые беспорядки – 25.
- Перевороты и попытки переворотов («революции») – 150.
- Антиправительственные демонстрации – 10.

Значение каждой переменной умножается на конкретные веса. Эта сумма умножается на 100 и делится на 8 (подробнее см.: Коротаев, Гринин и др. 2017: 298–300).

Также мы берем переменную, отражающую число террористических актов и количество их жертв, которые представлены в базе данных *Global Terrorism Database (GTD)* (START 2018). *GTD* состоит из 45 переменных и более 170 тыс. наблюдений за период с 1970 по 2016 г. В данном исследовании мы берем из базы две пе-

ременные – отражающую количество террористических атак и отражающую количество жертв террористических атак в государстве в заданный год. Данные переменные релевантны для нас, так как предыдущие исследователи сообщали, что имеется корреляция между «молодежными буграми» и ростом террористической активности (см.: Романов и др. 2018). Также мы берем сведения о переворотах и попытках переворотов из базы данных, составленной группой под руководством Монти Маршалла и Донны Рамси Маршалл (Marshall M., Marshall D. 2016). Эта база включает в себя сведения обо всех государствах с населением более 500 тыс. человек за период 1946–2015 гг. Она определяет перевороты как насильственный захват исполнительной власти со стороны диссидентской/оппозиционной фракции внутри правящей или политической элиты страны, что приводит к существенным изменениям в исполнительном руководстве и политике прежнего режима.

Для построения более детальных агрегированных индексов социально-политической нестабильности мы намерены обратиться к методу главных компонент, релевантность использования которого была показана в работах предыдущих авторов, исследовавших факторы социально-политической дестабилизации (Слинько и др. 2018; Hibbs 1973). Далее мы намерены провести ряд корреляционных тестов для того, чтобы понять, какие из полученных компонент наиболее связаны с обозначенными выше социально-экономическими факторами дестабилизации.

По выделенным нами переменным мы располагаем данными в отношении пяти стран Центральной Азии (Казахстан, Туркменистан, Таджикистан, Киргизия, Азербайджан) в период с 1992 по 2016 г. Вследствие значительных ограничений выборки (число наблюдений $(N) = 125$) не представляется возможным провести репрезентативный статистический анализ, поэтому мы увеличиваем выборку за счет добавления в нее стран Афразийской зоны (число наблюдений $(N) = 836$), что дает нам возможность провести систематизацию факторов нарастания социально-политической нестабильности в этой зоне (подробнее об Афразийской зоне нестабильности см., например: Коротаяев, Исаев, Руденко 2015; Неклесса 2018).

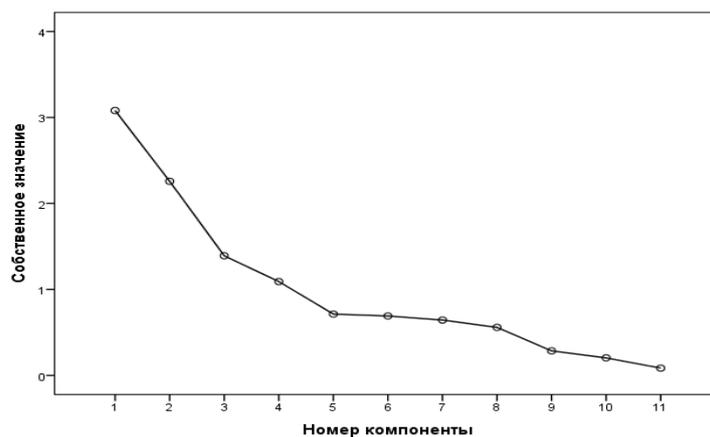
Описательные статистики по всем обозначенным выше переменным представлены в Приложении (см. Табл. П.1–6).

Приведем матрицу главных компонент (см. Табл. 1):

Табл. 1. Матрица главных компонент

	Компонента			
	1	2	3	4
Политические убийства	0,560	-0,144	0,298	-0,424
Политические забастовки	0,244	0,653	-0,042	-0,274
«Партизанские действия»	0,803	-0,283	-0,195	0,285
Количество жертв террористических атак	0,881	-0,358	-0,033	0,122
Количество террористических атак	0,898	-0,287	-0,068	0,107
Правительственные кризисы	0,349	0,027	0,466	-0,572
Политические репрессии	0,240	0,644	0,006	0,236
Массовые беспорядки	0,404	0,648	-0,171	0,065
Революции	0,100	0,154	0,768	0,129
Государственные перевороты и попытки переворотов	-0,015	0,192	0,616	0,568
Антиправительственные демонстрации	0,360	0,790	-0,201	-0,044

Анализ показателей собственных значений (*eigenvalues*) «каменистой осыпи» для выделенных компонент (см. Рис. 3) позволяет сделать вывод о том, что целесообразно привести только первые четыре компоненты. Соответственно, все остальные компоненты из нашего анализа удалены.

Рис. 3. График «каменистой осыпи» для отбора релевантных индексов социально-политической дестабилизации

Можно увидеть, что для первой компоненты (РС1) наибольшие нагрузки имеют индикаторы, отражающие наиболее откровенные виды политического насилия, так называемую «кровавую дестабилизацию»: «партизанские действия» (0,803), число террористических атак (0,898), число жертв террористических атак (0,881), политические убийства (0,560).

Для второй компоненты (РС2) наибольшие нагрузки имеют индикаторы, отражающие относительно ненасильственную «массовую дестабилизацию»: антиправительственные демонстрации (0,790), массовые беспорядки (0,648), политические забастовки (0,652). Важно отметить, что для стран Афразийской зоны в данную компоненту попадает такой индикатор, как «политические репрессии» (0,644). Это, видимо, в значительной степени объясняется тем обстоятельством, что в странах данной зоны антиправительственные демонстрации и массовые беспорядки систематически сопровождаются репрессиями со стороны властей.

Для третьей компоненты (РС3) наибольшие нагрузки имеют индикаторы, отражающие насильственную смену власти: государственные перевороты и попытки переворотов (0,616), «революции» (0,768), правительственные кризисы (0,466).

Для четвертой компоненты (РС4) наибольшую нагрузку имеют индикаторы, отражающие «элитарную дестабилизацию»: политические убийства (-0,424), правительственные кризисы (-0,572), государственные перевороты и попытки переворотов (0,568). Нетрудно заметить, что последние две компоненты достаточно близки между собой.

Далее для того, чтобы понять, какие социально-экономические и политические факторы связаны с социально-политической дестабилизацией в Афразийской зоне нестабильности (включающей в себя Центральную Азию), мы коррелируем выделенные нами компоненты с выделенными в эмпирической части социально-экономическими и политическими факторами. Этот анализ дает следующие результаты (см. Табл. 2–5).

Табл. 2. Корреляция между социально-экономическими и политическими переменными и индексом кровавой дестабилизации

		Индекс кровавой дестабилизации
Политический режим *	<i>r</i>	0,129
	<i>p</i>	0,021
	N	319
ВВП по ППС	<i>r</i>	-0,080
	<i>p</i>	0,103
	N	412
Этническая фракционализация	<i>r</i>	0,143
	<i>p</i>	0,597
	N	16
Лингвистическая фракционализация	<i>r</i>	0,432
	<i>p</i>	0,094
	N	16
Религиозная фракционализация	<i>r</i>	-0,128
	<i>p</i>	0,636
	N	16
Уровень образования	<i>r</i>	-0,017
	<i>p</i>	0,729
	N	409
Индекс Джини	<i>r</i>	-0,169
	<i>p</i>	0,102
	N	95
Безработица *	<i>r</i>	0,132
	<i>p</i>	0,007*
	N	413
Уровень урбанизации *	<i>r</i>	0,278
	<i>p</i>	< 0,001*
	N	447
Пропорция молодежи	<i>r</i>	0,012
	<i>p</i>	0,802
	N	447
Распространенность Интернета	<i>r</i>	0,073
	<i>p</i>	0,168
	N	361
Количество беженцев *	<i>r</i>	0,312
	<i>p</i>	< 0,001
	N	193

* Звездочками отмечены переменные, демонстрирующие в Афразийской зоне статистически значимую корреляцию с индексом кровавой дестабилизации.

Можно увидеть, что в результате проведенного корреляционного анализа мы выявили ряд статистически значимых корреляций между переменными социально-экономического и политического характера и индексом кровавой дестабилизации. Существует статистически значимая положительная корреляция между типом политического режима и индексом кровавой дестабилизации (0,129). Существует статистически значимая положительная корреляция между уровнем безработицы и индексом кровавой дестабилизации (0,132). Существует значимая положительная корреляция между уровнем урбанизации и индексом кровавой дестабилизации (0,278). Существует положительная значимая корреляция между количеством беженцев и индексом кровавой дестабилизации (0,312).

Далее мы прокоррелировали выделенные социально-экономические и политические переменные с индексом массовой дестабилизации. Проведенный анализ дал следующие результаты (см. Табл. 3).

Табл. 3. Корреляция между социально-экономическими и политическими переменными и индексом массовой дестабилизации

		Индекс массовой дестабилизации
Политический режим	r	-0,047
	p	0,404
	N	319
ВВП по ППС	r	0,017
	p	0,729
	N	412
Этническая фракционализация	r	0,276
	p	0,302
	N	16
Лингвистическая фракционализация*	r	0,531
	p	0,034
	N	16
Религиозная фракционализация	r	-0,128
	p	0,636
	N	16
Уровень образования	r	0,067
	p	0,174
	N	409

Окончание Табл. 3

		Индекс массовой дестабилизации
Индекс Джини	r	0,124
	p	0,231
	N	95
Безработица	r	0,009
	p	0,863
	N	413
Уровень урбанизации *	r	0,099
	p	0,037
	N	447
Пропорция молодежи *	r	-0,156
	p	0,001
	N	447
Распространенность Интернета *	r	0,282
	p	< 0,001
	N	361
Количество беженцев *	r	-0,180
	p	0,012
	N	193

* Звездочками отмечены переменные, демонстрирующие в Афразийской зоне статистически значимую корреляцию с индексом массовой дестабилизации.

Можно увидеть, что в результате проведенного корреляционного анализа мы выявили ряд статистически значимых корреляций между переменными социально-экономического и политического характера и индексом массовой дестабилизации. Существует значимая положительная корреляция между индексом массовой дестабилизации и лингвистической фракционализацией (0,531), а также уровнем урбанизации (0,099). Существует статистически значимая отрицательная корреляция между пропорцией молодежи (15–29 лет) и индексом массовой дестабилизации. Отметим также статистически значимую отрицательную корреляцию между количеством беженцев и индексом массовой дестабилизации (-0,180).

Рассмотрим теперь корреляты индекса элитарной дестабилизации I (см. Табл. 4):

Табл. 4. Корреляция между социально-экономическими и политическими переменными и индексом элитарной дестабилизации I

		Индекс элитарной дестабилизации I
Политический режим *	r	0,124
	p	0,027
	N	319
ВВП по ППС*	r	-0,183
	p	< 0,001
	N	412
Этническая фракционализация	r	0,141
	p	0,602
	N	16
Лингвистическая фракционализация	r	0,218
	p	0,417
	N	16
Религиозная фракционализация	r	-0,239
	p	0,374
	N	16
Уровень образования *	r	-0,240
	p	< 0,001
	N	409
Индекс Джини	r	-0,037
	p	0,719
	N	95
Безработица *	r	0,153
	p	0,002
	N	413
Уровень урбанизации	r	-0,061
	p	0,200
	N	447
Пропорция молодежи *	r	0,224
	p	< 0,001
	N	447
Распространенность Интернета *	r	-0,285
	p	< 0,001
	N	361
Количество беженцев *	r	0,167
	p	0,020
	N	193

* Звездочками отмечены переменные, демонстрирующие в Афразийской зоне статистически значимую корреляцию с индексом элитарной дестабилизации I.

Можно увидеть, что в результате проведенного корреляционного анализа мы выявили значительное число статистически значимых связей. Так, существует положительная корреляция между индексом элитарной дестабилизации I и демократичностью политического режима (0,124), уровнем безработицы (0,153), пропорцией молодежи (15–29 лет) (0,224) и долей вынужденных мигрантов в численности населения соответствующей страны (0,167).

Далее приведем корреляции между выделенным нами индексом элитарной дестабилизации II и социально-экономическими и политическими переменными. Результаты данного анализа выглядят следующим образом (см. Табл. 5):

Табл. 5. Корреляция между социально-экономическими и политическими переменными и индексом элитарной дестабилизации II

		Индекс элитарной дестабилизации II
Политический режим *	r	-0,155
	p	0,006
	N	319
ВВП по ППС	r	0,015
	p	0,763
	N	412
Этническая фракционализация	r	0,079
	p	0,770
	N	16
Лингвистическая фракционализация	r	-0,147
	p	0,587
	N	16
Религиозная фракционализация	r	0,274
	p	0,304
	N	16
Уровень образования	r	-0,044
	p	0,377
	N	409
Индекс Джини	r	0,179
	p	0,082
	N	95
Безработица	r	-0,003
	p	0,951
	N	413

Окончание Табл. 5

		Индекс элитарной дестабилизации II
Доля городского населения	r	-0,173
	p	< 0,001
	N	447
Пропорция молодежи	r	0,075
	p	0,113
	N	447
Распространенность Интернета	r	0,060
	p	0,255
	N	361
Количество беженцев	r	-0,100
	p	0,166
	N	193

* Звездочками отмечены переменные, демонстрирующие в Афразийской зоне статистически значимую корреляцию с индексом элитарной дестабилизации II.

Можно увидеть, что в результате проведенного корреляционного анализа мы выявили еще две статистически значимые связи. Речь идет о статистически значимой отрицательной корреляции между индексом элитарной дестабилизации II и долей городского населения (-0,173), а также демократичностью политического режима (-0,155).

Таким образом, в рамках данного анализа удалось установить, что существует ряд значимых корреляционных связей между выделенными социально-экономическими и политическими переменными и индексами кровавой, массовой и элитарной дестабилизации, полученными в рамках реализации метода главных компонент.

* * *

В этой работе мы исследовали факторы дестабилизации в Центральной Азии. К данному региону мы причисляем такие страны, как Таджикистан, Туркменистан, Киргизия, Казахстан, Узбекистан. В теоретической части нашего исследования мы приводим описание актуальной политической обстановки в Центральной Азии, а также рассматриваем потенциал влияния различных социально-политических факторов на дестабилизацию в регионе. Мы анализируем потенциал как внутренней дестабилизации (терроризм, изменения в экономике стран Центральной Азии, распространение интернет-технологий и т. д.), так и возможные экзогенные факторы дестабилизации (нестабильность в Афганистане, влияние Великобритании, России, США и Китая), советское наследие стран Центральной Азии.

В рамках эмпирической части исследования мы выделяем основные социально-экономические и политические факторы, влияние которых было протестировано другими исследователями. Мы проанализировали такие переменные, как подушевой ВВП по ППС, соотношение молодых людей (15–29 лет) к общей численности населения, тип политического режима, безработица, доля городского населения (показатель урбанизированности страны), уровень образования в стране (среднее количество лет обучения), уровень этнической/религиозной/лингвистической фракционализации, распространенность Интернета, уровень неравенства (индекс Джини), беженцы. Мы использовали базу данных по всей Африканской макроне, однако есть основания полагать, что результаты, полученные в рамках корреляционного анализа по странам, входящим в Африканскую макрону, могут быть экстраполированы на Центральную Азию. Используя переменные, отражающие различные виды социально-политической дестабилизации, из таких баз данных, как *Cross-National Time-Series Database (CNTS)*, *Global Terrorism Database (GTD)* и *Polity IV*, нам удалось посредством реализации метода главных компонент выделить четыре индекса, отражающих социально-политическую дестабилизацию: индекс кровавой дестабилизации, индекс массовой дестабилизации и два индекса элитарной дестабилизации.

На основе корреляционного анализа было выявлено, что существует статистически значимая положительная корреляция между индексом кровавой дестабилизации и типом политического режима, уровнем безработицы, уровнем урбанизации и количеством беженцев. Также на основе корреляционного анализа удалось выявить, что статистически значимая положительная корреляция существует между индексом массовой дестабилизации и лингвистической фракционализацией, а также уровнем урбанизации. При этом индекс массовой дестабилизации оказался отрицательно скоррелирован с пропорцией молодежи (15–29 лет) и количеством беженцев.

Прослеживается положительная корреляция между индексом элитарной дестабилизации I и демократичностью политического режима, уровнем безработицы, пропорцией молодежи (15–29 лет), количеством беженцев. При этом индекс элитарной дестабилизации I отрицательно коррелирован с ВВП по ППС, уровнем образования, распространенностью Интернета в стране. Наконец, было выявлено, что существует статистически значимая отрицательная корреляция между индексом элитарной дестабилизации II и уровнем урбанизации, а также демократичностью политического режима.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Табл. П.1. Описательные статистики переменных «политический режим», «ВВП по ППС», «этническая фракционализация», «лингвистическая фракционализация»

		Политический режим	ВВП по ППС	Этническая фракционализация	Лингвистическая фракционализация
N	Валидные	613	757	27	27
	Пропущенные	255	111	841	841
Среднее		-4,26	18519,15	0,523993	0,413707
Стд. ошибка среднего		0,207	996,262	0,0414675	0,0487171
Медиана		-6,00	7988,271	0,592600	0,434400
Мода		-7	515,239	0,0394 ^a	0,0124 ^a
Стд. отклонение		5,118	27410,811	0,2154713	0,2531416
Дисперсия		26,196	751352574	0,046	0,064
Размах		19	132422	0,8226	0,8511
Минимум		-10	515	0,0394	0,0124
Максимум		9	132937	0,8620	0,8635
Сумма		-2612	14018996	14,1478	11,1701

Табл. П.2. Описательные статистики переменных «религиозная фракционализация», «уровень образования», «индекс Джини», «распространенность Интернета»

		Религиозная фракционализация	Уровень образования	Индекс Джини	Распространенность Интернета
N	Валидные	27	701	158	678
	Пропущенные	841	167	710	190
Среднее		0,282859	6,048	36,4494	16,00776058190
Стд. ошибка среднего		0,044638	0,1092	0,495	0,8915330
Медиана		0,232700	6,100	35,96	4,713
Мода		0,0035	6,6 ^a	30,80 ^a	0
Стд. отклонение		0,231948	2,8916	6,227	23,2141
Дисперсия		0,054	8,361	38,787	538,896
Размах		0,7851	11,3	39,65	97,99
Минимум		0,0035	0,7	24,90	0
Максимум		0,7886	12,0	64,55	97,99
Сумма		7,6372	4239,8	5759	10853,261

Табл. П.3. Описательные статистики переменных «пропорция молодежи (15–29 лет)», «количество беженцев», «уровень урбанизации», «безработица»

		Пропорция молодежи (15–29 лет)	Количество беженцев	Уровень урбанизации	Безработица
N	Валидные	806	357	806	780
	Пропущенные	62	511	62	88
Среднее		0,4470842	6,206	10749,41	9,8587923
Стд. ошибка среднего		0,0019549	0,1225	497,414	0,2258029
Медиана		0,453971	6,400	4055,00	8,5
Мода		0,3165162	6,5 ^a	1555 ^a	5,1
Стд. отклонение		0,0555	2,3149	14121,655	6,306
Дисперсия		0,003	5,359	199421135,996	39,770
Размах		0,2600603	9,0	72484	32,377
Минимум		0,3048377	1,0	437	0,122
Максимум		0,564898	10,0	72921	32,5
Сумма		360,34990	2215,7	8664022	7689,857

Табл. П.4. Описательные статистики переменных «политические убийства», «политические забастовки», «партизанские действия», «правительственные кризисы»

		Политические убийства	Политические забастовки	Партизанские действия	Правительственные кризисы
N	Валидные	836	836	836	836
	Пропущенные	32	32	32	32
Среднее		0,31	0,07	3,00	0,13
Стд. ошибка среднего		0,036	0,014	0,607	0,014
Мода		0	0	0	0
Стд. отклонение		1,039	0,402	17,541	0,406
Дисперсия		1,079	0,161	307,698	0,165
Размах		10	7	247	3
Минимум		0	0	0	0
Максимум		10	7	247	3
Сумма		260	59	2504	110

Табл. П.5. Описательные статистики переменных «политические репрессии», «массовые беспорядки», «революции», «антиправительственные демонстрации»

		Политические репрессии	Массовые беспорядки	Революции	Антиправительственные демонстрации
N	Валидные	836	836	836	836
	Пропущенные	32	32	32	32
Среднее		0,08	0,64	0,19	1,24
Стд. ошибка среднего		0,012	0,078	,018	0,162
Мода		0	0	0	0
Стд. отклонение		0,353	2,248	,534	4,688
Дисперсия		0,124	5,055	,285	21,977
Размах		4	27	9	74
Минимум		0	0	0	0
Максимум		4	27	9	74
Сумма		65	534	155	1033

Табл. П.6. Описательные статистики переменных «агрегированный индекс социально-политической дестабилизации», «количество жертв террористических атак», «государственные перевороты и попытки переворотов», «количество террористических атак»

		Агрегированный индекс социально-политической дестабилизации	Количество жертв террористических атак	Государственные перевороты и попытки государственных переворотов	Количество террористических атак
N	Валидные	836	447	867	451
	Пропущенные	32	421	1	417
Среднее		4613,22	321,11	0,03	119,85
Стд. ошибка среднего		769,455	53,011	0,006	18,170
Мода		0	0 ^a	0 ^a	1 ^a
Стд. отклонение		22247,761	1120,782	0,189	385,869
Дисперсия		494962886	1256152	0,036	148894
Размах		310500	13076	2	3924
Минимум		0	0	0	1
Максимум		310500	13076	2	3925
Сумма		3856648	143535	30	54051

Библиография

- Акаев А. А., Васькин И. А., Коротаев А. В., Цирель С. В. 2017.** Связь экономического роста, количественной экспансии образования и террористической активности: количественное кросс-национальное исследование. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 5–36.
- Большаков А. Г. 2010.** Многовекторность внешней политики Киргизии в контексте изменения конфликтности на постсоветском пространстве. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС* 6(2): 99–115.
- Боришполец К. П. 2013.** Водно-энергетические проблемы Центральной Азии: возможные пути решения. *Вестник МГИМО-Университета* 3 (30): 25–28.
- Васькин И. А., Цирель С. В., Коротаев А. В. 2018.** Экономический рост, образование и терроризм. *Социологический журнал* 24(2): 28–65.
- Гринин Л. Е., Билога С. Э., Коротаев А. В., Малыженков С. В. 2017.** Доля студентов в общей численности населения и социально-политическая дестабилизация: опыт количественного анализа. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* 4(87): 35–47.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2015.** *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. М.: Учитель.
- Гринин Л. Е., Малыженков С. В., Билога С. Э., Коротаев А. В. 2017.** О росте числа студентов как возможном факторе социально-политической дестабилизации: количественный анализ. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 83–99.
- Джахан С. (Ред.) 2015.** *Доклад о человеческом развитии 2015: Труд во имя человеческого развития*. М.: Программа развития ООН.
- Дынкин А. А., Барановский В. Г. 2013. (Ред.).** *Вызовы безопасности в Центральной Азии*. М.: ИМЭМО РАН.
- Жильцов С. С., Зонн И. С. 2008.** Борьба за воду. *Индекс безопасности* 14(3): 49–62.
- Замятникова Е. С. 2017.** Образование и социально-политическая дестабилизация: систематический обзор. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 219–232.

- Иванов Е. А., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2017.** Центральная Азия. Риски транзита власти в стареющих режимах. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 186–202.
- Казанцев А. А. 2008.** «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М.: Наследие Евразии.
- Киселев В. В. 2016.** Цивилизационный фактор коррупционной психологии и нестандартные способы формирования антикоррупционного поведения. *Человеческий капитал* 4: 54–57.
- Князев А. А. (Ред.) 2001.** *Афганский конфликт и радикальный ислам в Центральной Азии*. Бишкек: Илим.
- Коротаев А. В. 2012.** Ловушка на выходе из ловушки. К математическому моделированию социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии. *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие* / Ред. Ж. Т. Тощенко. М.: РСО. С. 1483–1489.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2016.** ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа. *Сравнительная политика* 4(26): 72–94.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. 2017.** ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования. Кросс-национальный анализ. *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз* 1(84): 127–143.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Билюга С. Э., Васькин И. А., Слинко Е. В., Шишкина А. Р., Мещерина К. В. 2017.** *Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы*. М.: Учитель.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2010.** Прогнозирование социополитических рисков: ловушка на выходе из мальтузианской ловушки. *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»* 36: 101–103.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011а.** Египетская революция 2011 г. *Азия и Африка сегодня* 6(647): 10–16; 7(648): 15–21.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011б.** Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2012.** Структурно-демографические факторы «арабской весны». *Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы* / Ред. И. В. Следзевский, А. Д. Саватеев. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 28–40.

- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Васильев А. М. 2015.** Количественный анализ революционной волны 2013–2014 гг. *Социологические исследования* 8: 119–127.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2015.** Формирование афразийской зоны нестабильности. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность* 2: 88–99.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р., Назаретян А. П., Халтурина Д. А. 2013.** Мониторинг развития Центральной Азии: цели, методология и перспективы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Центральная Азия: новые вызовы* / Ред. Б. А. Акаева, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина. М.: URSS, 2013. С. 5–11.
- Коротаев А. В., Романов Д. М., Билюга С. Э., Халтурина Д. А. 2018.** Влияние удельного числа интернет-пользователей на потенциал дестабилизации: предварительный количественный анализ. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 222–247.
- Коротаев А. В., Слинко Е. В., Билюга С. Э. 2016.** Тип режима и социально-политическая нестабильность. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна в глобальном контексте: ежегодник* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 282–325.
- Коротаев А. В., Слинко Е. В., Шульгин С. Г., Билюга С. Э. 2016.** Промежуточные типы политических режимов и социально-политическая нестабильность. Опыт количественного кросс-национального анализа. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* 3(82): 31–52.
- Коротаев А. В., Ходунов А. В., Бурова А. Н., Малков С. Ю., Халтурина Д. А., Зинькина Ю. В. 2012.** Социально-демографический анализ Арабской весны. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: URSS. С. 28–76.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С., Зинькина Ю. В. 2011.** К прогнозированию социально-политической нестабильности в странах Центральной Азии. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Отв. ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ. С. 387–435.
- Коротаев А. В., Хохлова А. А., Цирель С. В. 2018.** Безработица как предиктор социально-политической дестабилизации в странах Западной и Восточной Европы. *Экономическая социология* 19(2): 118–167.

- Лаумулин М. 2013.** Безопасность Центральной Азии в контексте ситуации в Афганистане после 2014 года. *Центральная Азия и Кавказ* 16(3): 7–23.
- Малков С. Ю., Коротаяев А. В., Исаев Л. М., Кузьминова Е. В. 2013.** О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны. *Полис. Политические исследования* 4: 137–162.
- Некlessа А. И. 2018.** Афразийская зона нестабильности и проблемы российского стратегического планирования. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаяев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 537–553.
- Орлов А. А. 2013.** Афганистан: сложный военно-политический пасьянс. *Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации* 2: 9–14.
- Рахимов С. А. 2018.** Исследование международных отношений и факторов стабильности в Центральной Азии. *Новейшая история Центральной Азии: Проблемы теории и методологии* / Отв. ред.-сост. А. К. Аликберов, М. А. Рахимов. М.: ИВ РАН.
- Романов Д. М., Билога С. Э., Халтурина Д. А. 2018.** Связь «молодежных бугров» с явлениями социально-политической дестабилизации. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаяев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 181–221.
- Синь Л. 2012.** Экономические интересы России и Китая в Центральной Азии: сравнительный анализ. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика* 3: 60–74.
- Слинько Е. В., Мещерина К. В., Шульгин С. Г., Зинькина Ю. В., Билога С. Э., Коротаяев А. В. 2018.** Измерение внутривнутриполитических дестабилизационных процессов: типы нестабильности и их связь с социально-политическими и экономическими факторами. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаяев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 95–114.

- Степанова Е. А. 2005. *Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма*. М.: Весь Мир.
- Фридман Э., Шэйфер Р., Антонова С. А. 2010. Два десятилетия репрессий: неистребимость авторитарного контроля над средствами массовой информации в Центральной Азии. *Центральная Азия и Кавказ* 13(4): 108–127.
- Ходунов А. С. 2014. Иран: политико-демографическое развитие как фактор стабильности и потрясений. *Азия и Африка сегодня* 7: 26–30.
- Ходунов А. С., Коротаев А. В. 2012. Почему вторая волна агфляции привела к волне социально-политической дестабилизации на Ближнем Востоке, а не в Латинской Америке? *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: URSS. С. 77–127.
- Ходунов А. С., Коротаев, А. В., Зинькина, Ю. В. 2012. К прогнозированию социально-политической нестабильности в странах Центральной Азии. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: URSS. С. 384–433.
- Хохлова А. А., Коротаев А. В., Цирель С. В. 2017. Безработица и социально-политическая дестабилизация в странах Западной и Восточной Европы: опыт количественного анализа. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 37–82.
- Хуррамов Х. Х. 2015. Политический аспект водно-энергетических проблем в Центральной Азии. *Проблемы постсоветского пространства* 4: 100–108.
- Цирель С. В. 2012. Условия возникновения революционных ситуаций в арабских странах. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: URSS. С. 162–173.
- Banks A. S., Wilson K. A. 2018. *Cross-National Time-Series Data Archive*. Jerusalem, Israel: Databanks International. URL: <http://www.databanksinternational.com>.
- Barber N. 2015. Why Behavior Matches Ecology: Adaptive Variation as a Novel Solution. *Cross-Cultural Research* 49(1): 57–89.
- Beissinger M. R., Jamal A. A., Mazur K. 2015. Explaining Divergent Revolutionary Coalitions: Regime Strategies and the Structuring of Participation

- in the Tunisian and Egyptian Revolutions. *Comparative Politics* 48(1): 1–24.
- Campante F. R., Chor D. 2012.** Why was the Arab World Poised for Revolution? Schooling, Economic Opportunities, and the Arab Spring. *Journal of Economic Perspectives* 26(2): 167–188.
- Campante F. R., Chor D. 2014.** “The People Want the Fall of the Regime»: Schooling, Political Protest, and the Economy. *Journal of Comparative Economics* 42(3): 495–517.
- Collier P., Hoeffler A. 2004.** Greed and Grievance in Civil War. *Oxford Economic Papers* 56(4): 563–595.
- DiGiuseppe M. R., Barry C. M., Frank R. W. 2012.** Good for the Money: International Finance, State Capacity, and Internal Armed Conflict. *Journal of Peace Research* 49(3): 391–405.
- Ellingsen T., Gleditsch N. P. 1997.** Democracy and Armed Conflict in the Third World. *Causes of Conflict in Third World Countries* / Ed. by K. Volden, D. Smith. Oslo: North South Coalition and International Peace Research Institution. Pp. 69–81.
- Fearon J. D., Laitin D. D. 2003.** Ethnicity, Insurgency, and Civil War. *American Political Science Review* 97(1): 75–90.
- Fragile State Index. 2017.** *Fragile State Index Database*. URL: <http://fundforpeace.org/fsi/excel/> (дата обращения: 06.11.2017).
- Gleditsch N. P., Hegre H., Strand H. 2009.** Democracy and Civil War. *Handbook of War Studies III: The Intrastate Dimension* / Ed. by M. I. Midlarsky. Ann Arbor: University of Michigan Press. Pp. 155–192.
- Goldstone J. A., Bates R. H., Epstein D. L., Gurr T. R., Lustik M. B., Marshall G. M., Ulfelder J., Woodward M. 2010.** A Global Model for Forecasting Political Instability. *American Journal of Political Science* 54(1): 190–208.
- Goldstone J. A. 2002.** Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs* 56(1): 3–21.
- Goldstone J. A. 2011.** Understanding the Revolutions of 2011: Weakness and Resilience in Middle Eastern Autocracies. *Foreign Affairs* 90(3): 8–16.
- Gurr T. R. 1974.** Persistence and Change in Political Systems, 1800–1971. *American Political Science Review* 68(4): 1482–1504.
- Hall R. L., Rodeghier M., Useem B. 1986.** Effects of Education on Attitude to Protest. *American Sociological Review* 51: 564–573.

- Hegre H., Sambanis N. 2006.** Sensitivity Analysis of Empirical Results on Civil War Onset. *Journal of Conflict Resolution* 50(4): 508–535.
- Hibbs D. A. 1973.** *Mass Political Violence: A Cross-national Causal Analysis*. New York: Wiley.
- Khondker H. H. 2011.** Role of the New Media in the Arab Spring. *Globalizations* 8(5): 675–679.
- Korotayev A. 2014.** Technological Growth and Sociopolitical Destabilization: A Trap at the Escape from the Trap? *Socio-Economic and Technological Innovations: Mechanisms and Institutions* / Ed. by K. Mandal, N. Asheulova, S. G. Kirdina. New Delhi: Narosa Publishing House. Pp. 113–134.
- Korotayev A., Bilyuga S., Shishkina A. 2018.** GDP Per Capita and Protest Activity: A Quantitative Reanalysis. *Cross-Cultural Research* 52(4): 406–440.
- Korotayev A., Grinin L., Bilyuga S., Meshcherina K., Shishkina A. 2017.** Economic Development, Sociopolitical Destabilization and Inequality. *Russian Sociological Review* 16(3): 30–57.
- Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. 2015.** Center-periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013–2014: A Cross-national Analysis. *Cross-Cultural Research* 49(5): 461–488.
- Korotayev A., Malkov S., Grinin L. 2014.** A Trap at the Escape from the Trap? Some Demographic Structural Factors of Political Instability in Modernizing Social Systems. *History & Mathematics: Trends and Cycles* / Ed. by L. Grinin, A. Korotayev. Volgograd: “Uchitel” Publishing House. Pp. 201–267.
- Korotayev A., Zinkina J. 2011.** Egyptian Revolution: a Demographic Structural Analysis. *Entelequia. Revista Interdisciplinar* 13: 139–169.
- Korotayev A., Zinkina J., Kobzeva S., Bogevolnov J., Khaltourina D., Malkov A., Malkov S. 2011.** A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia. *Cliodynamics* 2(2): 276–303.
- Kyj M. J. 2006.** Internet Use in Ukraine's Orange Revolution. *Business Horizons* 49(1): 71–80.
- Lichbach M. I. 1989.** An Evaluation of “does Economic Inequality Breed Political Conflict?” Studies. *World Politics* 41(4): 431–470.
- Lysenko V. V., Desouza K. C. 2012.** Moldova's Internet Revolution: Analyzing the Role of Technologies in Various Phases of the Confrontation. *Technological Forecasting and Social Change* 79(2): 341–361.

- Macro Data Guide. 2018.** *Fractionalization*. URL: http://www.anderson.ucla.edu/faculty_pages/romain.wacziarg/downloads/fractionalization.xls (дата обращения: 18.08.2017).
- Marshall M. G., Marshall D. R. 2016.** *Coup D'État Events, 1946–2015*. College Park: Center for Systemic Peace.
- Marshall M. G., Gurr T. R., Jagers K. 2016.** *Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions, 1800–2016. Dataset Users' Manual*. URL: <http://www.systemicpeace.org/inscr/p4manualv2016.pdf> (accessed: 09.09.2018).
- Mesquida C. G., Wiener N. I. 1996.** Human Collective Aggression: A Behavioral Ecology Perspective. *Ethology and Sociobiology* 17(4): 247–262.
- Moller H. 1968.** Youth as a Force in the Modern World. *Comparative Studies in Society and History* 10(3): 237–260.
- Montalvo J. G., Reynal-Querol M. 2005.** Ethnic Polarization, Potential Conflict, and Civil Wars. *American Economic Review* 95(3): 796–816.
- Muller E. N., Weede E. 1990.** Cross-national Variation in Political Violence: A Rational Action Approach. *Journal of Conflict Resolution* 34(4): 624–651.
- Ronzhyn A. 2014.** The Use of Facebook and Twitter during the 2013–2014 Protests in Ukraine. *Proceedings of the European Conference on Social Media*. Brighton, UK: Academic Conferences Ltd. Pp. 442–448.
- Slinko E., Bilyuga S., Zinkina J., Korotayev A. 2017.** Regime Type and Political Destabilization in Cross-national Perspective: A Re-analysis. *Cross-Cultural Research* 51(1): 26–50.
- Solt F. 2015.** Economic Inequality and Nonviolent Protest. *Social Science Quarterly* 96(5): 1314–1327.
- START [National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism]. 2018.** *Global Terrorism Database*. College Park, MD: National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/>.
- United Nations Population Division. 2018.** *United Nations Population Division Database*. New York: United Nations. URL: <https://population.un.org/wpp/>.
- Urdal H. 2004.** The Devil in the Demographics: The Effect of Youth Bulges on Domestic Armed Conflict, 1950–2000. *Social Development Papers* 14.
- Urdal H. 2006.** A Clash of Generations? Youth Bulges and Political Violence. *International Studies Quarterly* 50(3): 607–629.

- World Bank. 2018a.** *World Development Indicators Online*. Washington DC: World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/>.
- World Bank. 2018b.** GDP per capita, PPP (Constant 2011 International \$). *World Development Indicators Online*. Washington, DC: World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD>.
- World Bank. 2018c.** World Bank. Unemployment, Total (% of Total Labor Force). *World Development Indicators Online*. Washington, DC: World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/sl.uem.totl.zs> (дата обращения: 09.09.2018).
- Zholdosbaev R. 2016.** Assessing the Risks of Cyber Terrorism in Central Asian Countries. *Countering Terrorist Recruitment in the Context of Armed Counter-Terrorism Operations* / Ed. by S. Ekici. Amsterdam: IOS Press. Pp. 102–106.